

Четверть века на сцене Большого театра

И. Петров

Главы из книги

Сегодня мы начинаем публиковать главы из книги народного артиста СССР И. Петрова «Четверть века на сцене Большого театра». Литературная запись А. Курцман.

Книга готовится к печати издательством «Советский композитор».

Мое поступление в Большой театр совпало со временем его необычайного расцвета. Труппа в тот период состояла из замечательных певцов, которыми руководили первоклассные дирижеры, режиссеры, художники.

Среди выдающихся басов, у которых я все время учился, первым назову Александра Степановича Пирогова.

Я старался подражать Пирогову еще когда выступал на школьных вечерах, и мне было особенно приятно слышать от товарищей, что у меня есть какие-то нотки, похожие на пироговские. Он оставался моим кумиром и в пору обучения в Театрально-музыкальном училище имени А. К. Глазунова. Спектакли с его участием я старался не пропускать и все еще пытался подражать ему, но вскоре понял, что у меня другая индивидуальность: другой голос, темперамент и, к счастью, стал искать свой путь в вокале и в актерском мастерстве.

Высокий, стройный, широкоплечий, Александр Степанович Пирогов был наделен огромным артистизмом и темпераментом, которые помогли ему стать блестящим оперным певцом-актером. Его мощный голос широкого диапазона был собран, звучен, особенно в верхнем регистре, и это давало возможность Пирогову «лепить» яркие, сильные, незабываемые образы.

Особенно близки творчеству Александра Степановича были роли трагического плана. Огромное впечатление производили в его исполнении в роли Бориса сцена с Шуйским, эпизод, в котором ему является призрак убиенного царевича и сцена смерти Бориса.

Одна из лучших его ролей и князь Галицкий в «Князе Игоре». Сколько ярких красок использовал здесь артист! Угодливость по отношению к Игорю, панибратство с челядью, дерзость и наглость обращения к Ярославне — все это выражалось голосом, мимикой, жестами.

Необычно, гротесково решал Пирогов образ Дона Базилио, хотя кое с чем и нельзя было согласиться. Дон Базилио — Пирогов приходил в дом Бартоло в традиционном костюме: черная сутана, широченный пояс с огромной пряжкой, из-за которой торчал металлический камертон. И когда Дон Базилио хотел проверить тональность, он неоднократно пытался ударить по лысой голове Дона Бартоло. Но ведь Дон Базилио по Бомарше «презренный червь», а Дон Бартоло — знатный почтенный доктор. Мог ли себе позволить Дон Базилио такой жест?

Большое впечатление у меня осталось от исполнения Пироговым роли Ивана Грозного в «Псковитянке» Римского-Корсакова. Здесь его герой был властным, порою деспотичным и вместе с тем нежным, любящим отцом. Сцену рядом с погибшей дочерью он проводил необы-

чайно сильно.

Все свои блестящие данные артист использовал и в роли Мефистофеля. Однако мне казалось, что его Мефистофель был немного грубоват. Несмотря на это, успех он имел огромный.

Когда же я впервые увидел Пирогова в роли короля Ренэ в «Иоланте», я был восхищен и приятно удивлен. С первого появления и на протяжении всего спектакля певец поражал своими мягкими интонациями, певучестью голоса, а его фигура, движения были полны благородства, достоинства и изящества.

В «Русалке» Александр Степанович создавал удивительно правдивый, живой образ крестьянина-Мельника с его заботами, мечтами, радостями и горестями. Особенно хорош был Пирогов в сцене сумасшествия. А нота фа первой октавы — кульминация во фразе «Заманишь, а там, пожалуй, удавишь ожерельем», вызвала взрыв аплодисментов в зале.

В дальнейшем я многие годы наблюдал, как работает Александр Степанович, и скажу, что ни разу не видел артиста не собранным, поющим в полнакала. У артиста была какая-то внутренняя пружина, которая заставляла его двигаться по сцене, петь, фразировать с какой-то долей экзальтации в лучшем смысле этого слова. И когда он появлялся на сцене, все внимание публики было приковано к нему.

Александр Степанович был не только выдающимся артистом, но и обаятельным человеком, прекрасным, всегда дружески настроенным собеседником. И если он делал нам, младшим товарищам по искусству, критические замечания и давал советы, то лишь в очень мягкой форме, никогда не обижая. Вспоминаю, как он помог мне в работе над Русланом.

После того как я уже несколько раз спел Руслана, встречаю как-то в театре Александра Степановича Пирогова. Он меня поздравил с исполнением этой трудной партии.

— Гриша, — говорит, — прекрасно пел, и я пел, но нам это тоже давалось с трудом, так что я знаю, какая это трудная партия.

А я ему пожаловался:

— Вы знаете, все у меня идет хорошо, пока я не начинаю петь арию «Дай, Перун, булатный меч мне по руке». Дыхание сбивается и я еле допеваю.

— А почему так? — спрашивает.

— Когда я ищу мечи и отбрасываю их, так как они легкие (а мои движения сопровождалась звучанием оркестра и были продиктованы музыкой), то пока наклонюсь за одним, за вторым, за третьим, за пятым, — дыхания не хватает.

— Меня Гриша учил, а я вам по наследству передам. Вот что нужно сделать. Вы перед этой сценой, когда декорации поставят, несколько мечей воткните в пригорки, так чтобы они кверху ручками торчали. И когда вы будете искать мечи, один — второй — можно ногой отбросить, те, которые повыше, вырвите и бросьте перед собой, чтобы не напрягаться.

И когда я так спел, прибежал к Александру Степановичу и говорю ему:

— Большое вам спасибо за совет, как же здорово!

Позже мой педагог мне рассказывал, что Григорий Степанович Пирогов был изумительным Русланом. Его голос звучал, как виолончель, так мягко, красиво пел он, и я старался ему подражать.

Другой выдающийся артист и певец — Марк Осипович Рейзен — также обладал всеми необходимыми вокальными и сценическими качествами. Высокий,

стройный, всегда подтянутый, красивый, с могучим бархатистого тембра басом, которым он мастерски владел. И хотя Пирогов и Рейзен обладали одним и тем же голосом — басом, они были совершенно разными певцами. У Александра Степановича Пирогова звучание голоса носило более ярко выраженную русскую окраску. Его голос был очень сочным, плотным, ярким наверху. А у Марка Осиповича Рейзена голос мягкий, певучий, более подходящий для других партий.

Одним из лучших достижений артиста была роль Досифея в «Хованщине» Мусоргского. Огромная мощь голоса, атлетическая фигура, облаченная в черную робу, медленная, уверенная поступь, властный жест — все это производило огромное впечатление. Вспомнить хотя бы его первое появление, когда Досифей в разгар спора Хованского с сыном и стрельцами оставил их: «Стой, бесноваты! Пошто беснуетесь?». Эта первая фраза звучала у певца словно могучий поток — мощно, властно, гневно. И теперь, когда я слушаю новых Досифеев, мне часто хочется сказать: «Это же Досифейчики!». Голоса их звучат жидковато, а образ совсем неубедительный.

Роль князя Гремينا требует не только красивого, проникновенного пения. Здесь актер должен продемонстрировать благородство, достоинство и, как мы часто говорим, у исполнителя такой роли должна быть «порода». Всем этим в полной мере обладал Марк Осипович. Удивительно, что в свои девятност лет артист в спектакле Большого театра снова блестяще спел Гремину. На мой взгляд — это подвиг.

Даже в маленькой роли Варяжского гостя Рейзен производил незабываемое впечатление. Под раскаты оркестра Варяжский гость — Рейзен — спускался с корабля на площадь, облаченный в меховой костюм, и мощным голосом пел-рассказывал о своем мрачном, грозном крае.

Дона Базилио Рейзен исполнял в гротесковом плане, как и многие другие артисты, но делал это своеобразно, интересно и пел мастерски. Запоминались его высоченная, кажущаяся беспредельной фигура, вкрадчивые плавные движения, хитрый плутоватый взгляд.

Особенно мне хочется сказать о его роли Фарлафа в «Руслане и Людмиле». Премьера этой оперы состоялась в Большом театре в 1948 году, и этот замечательный певец вновь нас порадовал своим вокальным и актерским мастерством. С комедийным блеском исполнил он роль трусливого горе-рыцаря и самоуверенного хвастуна. С необыкновенным блеском исполнил Рейзен труднейшее рондо.

Верхние ноты на пиано Марк Осипович пел завораживающе мягко, они звучали у него как на большом смычке виолончели. У меня дух захватывало. И как-то я спросил у него:

— Марк Осипович, как же это у вас получается?

А он, лукаво улыбнувшись, ответил мне:

— Работайте! Это достигается путем каждодневной упорной работы.

И постепенно, благодаря моим стараниям, мне тоже стало многое удаваться.

Пирогов и Рейзен — басы, ведущие весь репертуар Большого театра, были самыми яркими представителями оперного искусства в нашей стране. И казалось бы, вот примеры для подражания. Но, став оперным певцом, я никогда никого не копировал. Я и теперь говорю молодежи, с которой занимаюсь:

— Только не копируйте меня, не копируйте никого, исходите из своей индивидуальности. Тогда будет толк. А в копировании большой заслуги нет.

(Продолжение следует).